

Ли Жун замер.

Время словно растянулось, превращая всё вокруг в замедленную киноленту. Звуки и образы доносились до него как сквозь слой ваты. Он будто оказался внутри вакуумного кокона, наблюдая за тем, как мимо протекают секунды, и чувствуя, что именно в этот миг в мироздании что-то безвозвратно изменилось.

Он и представить не мог, что Цэнь Сяо произнесёт эти слова. Юноша совершенно не был готов к такой «перемене».

Ли Жун понимал: его пылающее лицо и бешено колотящееся сердце выдадут всё то смятение, которое он и сам ещё не успел до конца осознать. Но в эту минуту он чувствовал к собеседнику не просто симпатию — это было жгучее, почти осязаемое желание.

«Дело дрянь»

Он попытался подавить этот порыв, напоминая себе, что сейчас совсем не время для подобных чувств. Однако эмоции не желали подчиняться рассудку. Мозг словно взбунтовался: нейроны без конца посылали импульсы, твердя, что он хочет обхватить Цэнь Сяо за шею, поцеловать его, коснуться крепких мышц, обладать им и принадлежать ему самому.

Он не знал, осознаёт ли Цэнь Сяо весь вес сказанного, но Ли Жун, помнивший свою прошлую жизнь, чувствовал тяжесть этого обещания — оно весило больше тысячи цзиней.

В мире, где всё летит в бездну, поверить ему, поверить его родителям, поставить на кон жизнь и будущее, сделав ставку на полуразрушенную башню... Неужели восемнадцатилетний Цэнь Сяо мог решиться на такое просто в порыве чувств?

Ли Жун не смел развивать эту догадку до конца. Ведь если он прав, то Цэнь Сяо...

Впрочем, сейчас было достаточно и того, что Цэнь Сяо рядом. И того, что он очень ему нравится.

С экрана продолжал доноситься шум. Неуклюжая панда карабкалась по ветке, наблюдая за сородичами, не умеющими лазать по деревьям, и покатываясь со смеху. Однако ветка не выдержала её веса и с громким хрустом обломилась. Панда на мгновение оцепенела, отчаянно засучила лапами, а затем, издав истошный вопль, кубарем покатилась вниз, поднимая облако пыли и сухих листьев.

Линь Цинь и Цзянь Фу громко захохотали, глядя на её нелепое падение.

Ли Жун тоже улыбнулся.

Он опустил взгляд на губы Цэнь Сяо. Кадык юноши дрогнул, кончик языка медленно скользнул по зубам.

— Не будь здесь Линь Циня и остальных, я бы тебя сейчас поцеловал.

Сказав это, он положил руку на плечо Цэнь Сяо, крепко сжал его, а затем медленно повёл ладонью выше, касаясь тёплой кожи шеи. Его указательный палец остановился на губах Цэнь Сяо и слегка, с небрежной лаской, провёл по ним.

Губы Цэнь Сяо были горячими. Почувствовав их под мягкой подушечкой пальца, Ли Жун невольно вспомнил те времена, когда эти губы покрывали поцелуями всё его тело.

Цэнь Сяо глубоко вдохнул. Он перехватил руку Ли Жуна, убирая его пальцы от своего рта, и предупредил приглушённым голосом:

— Если мы сейчас перейдём черту, одним поцелуем ты не отделаешься.

Ли Жун не отстранился. Напротив, он сжал ладонь, крепко захватывая большой палец собеседника.

— А... — он негромко рассмеялся. — Значит, нужно найти место поукромнее.

Кинозал, хоть и был погружён во тьму, вовсе не был уединённым местом. К тому же, это был сюрприз от Линь Циня, и кто-то из персонала наверняка наблюдал за ними из операторской, ожидая нужного момента, чтобы выкатить торт.

Цэнь Сяо, очевидно, тоже это понимал, поэтому вовремя выпустил его руку.

Предсказание Ли Жуна сбылось в ту же секунду, когда фильм закончился. Линь Цинь и Цзянь Фу одновременно оглянулись назад. Финальные титры на экране исчезли, и вместо них вспыхнула надпись: «С днём рождения, Староста!».

Буквы переливались спецэффектами, мерцая и кружась под звуки праздничной песни. Атмосфера в зале накалилась до предела. Двери запасного выхода распахнулись, впуская струю прохладного воздуха из коридора, и сотрудники осторожно выкатили изящный торт.

На нём красовались свечи в форме цифр «18». Огоньки трепетали, отбрасывая на тёмно-красный ковёр мягкие, тёплые блики.

Линь Цинь и Цзянь Фу тут же вскочили, восторженно хлопая:

— С днём рождения, Староста!

— Ого! С днём рождения, Панда!

Линь Цинь хлопал громче всех, его лицо, освещённое мягким светом свечей, сияло юношеским задором.

Цзянь Фу изо всех сил подавал знаки Цэнь Сяо, призывая его присоединиться к общему веселью. Цэнь Сяо прочистил горло, честно попытался изобразить энтузиазм, но так и не смог заставить себя вскочить и начать прыгать от радости, как это делал Цзянь Фу. Поразмыслив пару секунд, он решил оставить попытки сойти с ума за компанию.

Ли Жун не удержался от смеха и покачал головой.

Ему пришлось признать: подобная торжественность ему по душе. Хотя раньше он считал это пошлым и заурядным, оказавшись в центре внимания, он понял — важна не форма, а люди, которые в этом участвуют.

В прошлой жизни он был слишком закрытым, и рядом с ним никогда не было таких искренних и пылких друзей.

Искренность — это прекрасно. Наивность — ещё лучше. Кто бы отказался оставаться наивным вечно, если бы жизнь не заставляла взрослеть?

— Спасибо, что подготовили всё это для меня.

Ли Жун встал, опираясь на плечо Цэнь Сяо. Его губы тронула непривычно застенчивая улыбка, в ясных глазах отражалось пламя свечей, а на щеках играл румянец — смесь волнения и радости.

Он посмотрел на торт, улыбнулся ещё шире и небрежно поправил прядь волос на лбу. Волосы качнулись, на мгновение закрыв обзор, и в его взгляде на долю секунды промелькнула редкая для него нежность.

Цэнь Сяо на этот раз едва сдержался, чтобы не захлопать в ладоши — Ли Жун играл удивление просто мастерски. Можно было подумать, он и впрямь ни о чём не догадывался.

Линь Цинь и Цзянь Фу так и светились от счастья.

Цзянь Фу самодовольно хмыкнул:

— Не ожидал? Кинотеатр — моя идея, торт я выбирал. И зал вовсе не пустовал, я его целиком забронировал!

Линь Цинь, словно вспомнив о чём-то важном, похлопал друга по плечу и поспешил к последнему ряду. Через мгновение он вернулся, бережно прижимая к себе картину.

— Мы с Цзянь Фу увидели её в магазине и сразу поняли — она для тебя. Это наш подарок на день рождения. Раму оплатил Цзянь Фу, а саму картину выбрал я. Хочу, чтобы в твоей душе всегда было так же светло, как на этом полотне.

Это была яркая, насыщенная цветами масляная живопись. Синие и оранжевые тона переплетались, создавая образ искрящейся морской глади. Яркие лучи пробивались сквозь туман, а в воздухе замер дельфин, чей силуэт отчетливо виднелся на фоне далёкого величественного острова.

У картины было прекрасное название — «День, когда наступит рассвет».

Ли Жун, склонив голову, рассматривал её при свете экрана и восхищённо произнёс:

— Сразу видно человека искусства. Как тебе удалось найти настолько ценную работу?

Линь Цинь, который выбрал её просто по велению сердца и не слишком разбирался в живописи, от такой похвалы начал смущённо потирать руки.

— Правда? Она ценная? Я просто обошёл несколько лавок и выбрал ту, что больше всего приглянулась. Я ведь не эксперт...

Он начал оправдываться, боясь приписать себе лишние заслуги. Но Ли Жун совершенно серьёзно пояснил:

— Я знаю этого художника. Он пишет немного, но его работы всегда имеют большой потенциал для роста цены. Слышал про NFT? Одно его произведение в виде невзаимозаменяемого токена на блокчейне уже стоит десять миллионов. Моему отцу очень нравились его картины. Спасибо. Это действительно потрясающий подарок.

Линь Цинь онемел. Он понятия не имел о том, что рассказывал Ли Жун, но понял одно: он случайно наткнулся на сокровище. Мало того что подарок понравился Ли Жуну, так ещё и его отцу он пришёлся бы по душе. Лицо Линь Циня вспыхнуло, он замахал руками:

— Да что ты... главное... главное, что тебе нравится!

Цэнь Сяо слегка вскинул бровь и бросил на Ли Жуну многозначительный взгляд.

— Серьёзно?

Эти цифровые новшества ещё не вошли в моду, даже в сети о них почти не было информации. Откуда Ли Жун знает такие тонкости?

Тот лишь лукаво подмигнул ему в ответ.

Цзянь Фу не забыл про Цэнь Сяо. Видя, как радуется именинник, он громко кашлянул, пытаясь выгородить друга:

— Брат Сяо тоже не забыл про подарок! Просто вы не знаете, как строго за ним следит отец. Все счета под контролем, старик Цэнь видит каждую потраченную копейку... В общем, тут без моего бати не обошлось бы, его отец...

Ли Жун усмехнулся, прерывая его путаные объяснения:

— Он уже подарил.

Цзянь Фу, казалось, совсем не изменился. В прошлой жизни он тоже вечно пытался подыгрывать Цэнь Сяо.

Ли Жун вспомнил, как Сун Юаньюань, случайно заставшая его в квартире Цэнь Сяо в неподобающем виде, была совершенно раздавлена. Она пожаловалась матери, а та передала всё Сяо Мужань. Реакция матери Цэнь Сяо была бурной: она потребовала, чтобы сын немедленно расстался с Ли Жуном.

Ли Жун понимал её. Семья Цэнь не хотела иметь ничего общего с ним и тем хаосом, что творился вокруг его имени. Да и для Сяо Мужань, вероятно, было невыносимо осознавать, что её сын связался с мужчиной. Именно тогда Ли Жун понял, насколько натянутые отношения у Цэнь Сяо с родителями.

Однажды он случайно проходил мимо кабинета Цэнь Сяо и услышал последнюю фразу, которую тот бросил по телефону матери:

— Он просто симпатичный, я просто развлекаюсь.

Голос Цэнь Сяо был абсолютно лишён эмоций. Ли Жун тогда совершенно спокойно отправил в рот дольку мандарина. Цэнь Сяо, обернувшись и увидев его, на мгновение замер, словно хотел что-то сказать, но промолчал.

Позже к нему подошёл Цзянь Фу и, неловко подбирая слова, начал намекать:

— Слушай, ты же понимаешь, что такое «вынужденная мера»? Если выставить всё напоказ, «Ланьшу» станет для тебя не щитом, а мечом в спину. Там всё очень непросто. Если понимаешь — хорошо, а если нет — сам подумай. Не стоит из-за пары слов портить жизнь моему брату, сечёшь? Надеюсь, ты меня понял.

Но Ли Жун тогда лишь лениво перевернул страницу студенческой тетради и, сделав пару правок, сухо ответил:

— Мне всё равно.

***

Пламя свечей подрагивало, наполняя зал ароматом поджаренных сливок.

Линь Цинь хлопнул себя по колену:

— Совсем забыл! Староста, скорее, загадывай желание и задувай свечи!

А вот Цзянь Фу никак не мог успокоиться — любопытство сжигало его заживо.

— Брат Сяо подарил? Когда? Он же говорил, что ничего не покупал! Я не видел у него ничего в руках!

Собеседник в недоумении приподнялся на цыпочки, перевесился через спинку кресла и заглянул под ноги Ли Жуну. Но там было пусто.

— И что же он подарил?

Ли Жун, повинувшись просьбе Линь Циня, потянул Цэнь Сяо к торту. Проходя мимо Цзянь Фу, он таинственно прошептал:

— Угадай.

Цзянь Фу едва не взвыл от досады:

— Вот чёрт!

Он знал: если Ли Жун не захочет говорить, из него и слова не вытянешь.

Линь Цинь помог сотруднику пододвинуть торт поближе к Ли Жуну, бережно прикрывая ладонью огоньки.

— Загадывай! Мама говорит, что желание на восемнадцатилетие — самое сильное, оно обязательно сбудется!

Ли Жун посмотрел на оплавливающиеся цветные свечи и, в шутку прищурившись, легонько дунул. Пламя вздрогнуло, но тут же вспыхнуло ещё ярче.

Поиграв немного, он наконец закрыл сияющие глаза, крепко сплёл пальцы и на несколько секунд замер.

Затем он склонился над тортом, глубоко вдохнул и одним резким выдохом погасил оранжевые огни.

В зале мгновенно вспыхнул основной свет.

Цзянь Фу зажмурился от ярких ламп, но не забыл поторопить именинника:

— Ну, говори же! Что загадал?

Линь Цинь хотел было напомнить, что желания нельзя произносить вслух, иначе не сбудутся, но Ли Жун ответил без тени сомнения:

— Загадал... чтобы торт был вкусным.

Цзянь Фу:

— ...

Цэнь Сяо вынул из торта две свечи и невозмутимо заметил:

— Оставь его, он в это не верит.

Ли Жун никогда не полагался на милость небес. Даже в свой восемнадцатый день рождения он не позволял себе такой роскоши, как слепая надежда. Он всегда оставался предельно трезвым в своих суждениях.

Юноша скрестил руки на груди и обернулся к Цэнь Сяо. Его взгляд скользнул по левому боку друга. Он лишь улыбнулся, оставив свои истинные мысли при себе.

«Надеюсь, ты, решивший остаться на моей стороне, сможешь прожить долгую жизнь»

Вот о чём он просил на самом деле.

<http://bllate.org/book/15351/1423564>